

"BÜCHERTREFF"

"УЛЫБКА НА ПАМЯТЬ"

Гамбургские авторы ко Дню смеха

WORT СЛОВО מילה

2010

"Жить без улыбки – просто ошибка"¹

ДЕНЬ СМЕХА

1 апреля — Международный день смеха, юмора и веселья. Его отмечают на всех континентах, хотя в каждой стране он, конечно, имеет национальный колорит.

В этот день принято подшучивать друг над другом, давать друг другу бессмысленные поручения, дарить необычные смешные подарки. Никто не застрахован от розыгрышей, но даже самые серьезные при этом невольно улыбаются.

Мы также постарались внести свой вклад в ваше праздничное первоапрельское настроение.

Читая это праздничное Приложение к журналу "Слово", вы не можете не почувствовать, как наши авторы улыбками и шутками заряжают вас юмором, весельем и хорошим настроением.

Читайте, на шутки и розыгрыши не обижайтесь, а отвечайте ими же. Смех, как известно, продлевает жизнь.

СОДЕРЖАНИЕ

Лариса Антоновская. День "дурака". "Рядом"	3
Леонид Михелев. Сказка о том, как человек предполагает, а Бог располагает	4
Семён Коган. Бендерская	7
Александр Коварский. Кукурача	11
Михаил Колчинский. Человек за витриной. Мысли незначительных людей	13
Михаил Прудовский. Несбывшееся зовёт нас. Анзор	16
Татьяна Зеленченко². Карикатуры	20
Леонид Катель. Иронические стихи	22
Сергей Лоскутов. Везде хорошо	24
Тарас Фисанович. Сказка	26
Фридрих Золотковский. Мышь и кот /басня/. Эпиграмма	28
Розалия Подольская. Заяц и Айболит	29
Олег Эстис. Карикатуры	30

¹ Фраза, давно ставшая крылатой в столице юмора Одессе.

² Иллюстрации к текстам Приложения – работы Татьяны Зеленченко.

Лариса Антоновская

В Гамбурге живу уже 12 лет.
Пишу лирические стихотворения, перевожу с немецкого.
Публикации в журналах:
"Гамбург и мы", "Источник",
"Контакт-шанс", "Консультант", в газете "Зарубежные задворки".

День "дурака"

Весь год оставаться почтенной матроной,
Не лгать, не грешить, просто жить по канонам,
А можно такой притворяться пока...
Но вот "отрываться" – лишь в день "дурака".

Шутить, куролесить, врать напропалую,
Пусть скажет любимый, что любит другую,
И можно тебе порезвиться слегка...
Но – без комментариев, в день "дурака".

"Рядом"

Наука очень древняя – дрессура.
Мы – женщины шагнули далеко...
Сказать попроще, если ты не дура,
Мужчина дрессируется легко...

Ассоциация конечно не простая,
Представим, будто это классный дог,
И ты его, усердно приручая,
Какой длины оставишь поводок?

Вот длинный – лишь иллюзия свободы,
Как будто погулял, но при тебе...
И никакие не страшны "заходы",
Когда он на коротком поводке.

Не затянуть бы до смерти невольно...
Шаг вправо, влево, что с мужчины взять?
Зато с годами, всё же добровольно,
Команду "рядом" будет исполнять.

Леонид Михелев

Родился в 1932 г. в Одессе. В настоящее время проживает в Гамбурге. Доктор технических наук.

На протяжении всей жизни занимается творчеством как в технических областях, так и в музыке и литературе. Помимо трёх научно-популярных книг, создал 6 книг стихов. Роман в стихах "Юрий Сонин" издан в Вильнюсе в 2001 году. Сатирический сборник "Удивительные истории в стихах" издан в Вильнюсе в 2007 г., равно как и другие книги: "Русское дворянское собрание Литвы" – исторические очерки; "Бытие", "Моисей" и "Евангелие" – Библия в стихах.

Повседневную литературную работу сочетает с публичными выступлениями: чтением стихов и исполнением романсов и песен.

СКАЗКА О ТОМ, КАК ЧЕЛОВЕК ПРЕДПОЛАГАЕТ, А БОГ РАСПОЛАГАЕТ

*Мы все грешны в подлунном мире,
Однако следует сказать,
Что раза в три, а то в четыре
Нам интересней узнавать,
Что нагрешил аристократ –
Судья, профессор, депутат,
А беспристрастный прокурор
Вдруг предстаёт, как плут и вор,
Артист, вознесенный судьбой,
Вдруг оказался "голубой";
Сенатор – злостный хулиган,
А председатель – клептоман!
У всех людей одна природа –
У работаг, у слуг народа,
Но слуги наши, всё видней,
Народа грешного грешней!*

* * *

Однажды вечером, не поздно,
Усталый, нервный депутат,
Весь день значительный и грозный,
Оставив распри и Сенат,
Решил немного отдохнуть.
Намёк, кивок, звонок – и в путь!
Помощник своего кумира
Тайком доставил на квартиру,
Где две красотки молодых
Умели радовать седых,
Больных и перезрелых,
Где в их руках умелых

Забыв доходы и жену,
Законы и свою страну,
Он с жизнью распрощится
И вновь на свет родится!

Укромна тайная квартира.
Её замки, двойная дверь
Вельможу от большого мира
Надёжно защитят теперь.
Его встречают две улыбки.
О! Здесь не может быть ошибки!
Сейчас он власть свою и страсть
На той тахте потешит всласть!
И, не предвидя вероломства,
Блондинку, шлёпнув для знакомства,
Из рук брюнетки жгучей взял
Вином наполненный бокал.
И вскоре радостный вельможа
С двумя красотками на ложе
Предался лучшей из утех,
Что в чистом виде – страшный грех.

Но радость так недолговечна:
Поэма тел, и губ, и рук
Не может длиться бесконечно.
А тут ещё какой-то звук
Тревожит вовсе непонятный,
Чуть слышимый, но неприятный.
"Что может тихо так шуршать?
Потом хотелось бы узнать!" –

Подумал босс устало.
Трудился он немало.
Ему бы впору отдохнуть,
Покушать, и в обратный путь,
Но вдруг со страшной силой
Беднягу осенило:
"Тот шорох значил лишь одно –
Какой-то хрен снимал кино!"

Вскочил он с ложа наслажденья –
Большой, упитанный Адам.
Забыв про страсть и вожделение,
Стал голым рыскать по углам,
Чтоб обезвредить эту штуку,
Найти и раздавить гадюку!
И сквозь его могучий мат
Сквозило слово "компромат!"
А молодые проститутки,
Как две ошипанные утки,
Метались в страхе по тахте
В немой, тоскливой суете.
Пытались юбки натянуть
И быстро к двери проскользнуть.
Но тут раздался дикий рык –
Клиент их к дырочке приник:

Там над картиной, против ложа
Была просверлена дыра.
В дыру прекрасно видеть можно
На фоне пёстрого ковра
Все пируэты и моменты,
Что вытворяют здесь клиенты.
Оттуда, видно, был снят
И шалунишка-депутат.
"Ну всё, мне крышка, я попался.
Вот, блин, до отдыха дорвался!" –
Шипит он сам себе в усы,
Бессильно теребя трусы.
Разборка долго продолжалась,
Но без свидетелей скончалась.
От злых предчувствий чуть живой,
Вельможа укатил домой.

Но дома нет ему покоя.
Ему тревога сердце рвёт:
"Теперь я имидж не отмою,
Развратный, старый идиот!
О, Боже, Боже! Что мне делать?"
"А ничего – пердеть да бегать" –
Таков единственный совет,
Что Бог бы мог мне дать в ответ!
Бороться можно лишь с врагами,
Которых чувствуем мы сами.
А тут – внезапный компромат,

Показ, где надо – шах и мат!
Прощай карьера депутата,
Москва, машина и зарплата,
И положение в стране –
Всё враз исчезнет, как во сне!

И не простят жена и дети!
Наперекор своей мечте,
Один, как перст на белом свете,
Теперь погрязну в нищете!"
И он отчаянно молился,
Стонал и даже прослезился.
Всю ночь он мерил кабинет
И понял: "Всё. Спасенья нет!"
И, чтоб унять свою тревогу,
Вельможа обратился к Богу:
"Помилуй, Боже, и спаси!
Беду-злодейку пронеси,
Организуй хитро и тонко,
Чтоб засветилась киноплёнка!
Уж не останусь я в долгу –
Я тоже кое-что могу!

Ведь ты же знаешь, депутаты
Решают важные дела.
Не зря торчат в своих палатах
Нас мать – Россия позвала!
Финансы, армия, заводы,
Защита Мира и Природы –
Неполный список наших дел –
Обременительный удел!
Устал, как чёрт и оступился.
Ну что ж, теперь мне утопиться?
Я извиненья приношу
И об одном тебя прошу:
Поставь на этом деле точку.
Не можешь точку – дай отсрочку
Четыре года – срок рабочий
До истечения полномочий!"

И тут во мраке предрассветном
Вдруг посветлели небеса.
Во всём пространстве кабинетном
Вдруг зазвучали голоса.
Потом всё стихло. Низкий бас
Промолвил: "Что ж, на этот раз
Я подарю тебе свободу,
Как просишь, на четыре года.
Потом должок ты мне вернёшь,
И лично сам ко мне придёшь!"
И снова ночи покрывало,
А голосов – как не бывало!
Не зная, к счастью или нет,
В конце туннеля видит свет

Взволнованный вельможа.
И чувствует он кожей:

Всё, что здесь сказано – не шутка.
Четыре года могут быть
Спокойным, славным промежутком,
В котором жить и не тужить.
А что потом, что дальше будет?
Пусть будет так, как Бог рассудит.
И побежали дни, недели,
За ними годы полетели,
И вот настал последний срок –
Регламент полностью истёк.
Вельможа смотрит осторожно,
Не видит признаков тревожных,
Проходит круг врачей своих
И экстрасенсов дорогих,
Но в организме всё в порядке.
Он крепок, как морковь на грядке.

"Ага!– вельможа рассуждает,–
Должно быть, добрый русский Бог
На этот раз меня прощает.
Он не простить меня не мог!
Я столько сделал для народа
За эти три последних года!
Я столько раз спасал страну!
Налоги, водку и войну
Я тасовал у нас в палатах
Среди упрямых депутатов.
Моя заслуга, что народ
Ещё хоть как-нибудь живёт!
И нынче, для поддержки сил,
Я краткий отпуск заслужил".

Но вот, в предотпускном угаре,
Его сомнение берёт:
Рвануть он хочет на Канары,
Но этот чёртов самолёт...
Они, ведь часто так бывает,
В Бермудах где-то пропадают,
И прерывают свой полёт
Над полосой, идя на взлёт...
"Да ну их, жаркие Канары!
Лететь туда с женой на пару –
Умрёшь скорее от тоски,
Чем от карающей руки!
На этот раз, не зная горя,
Отправлюсь в крымский санаторий" –
Вельможа трезво рассудил,
И в Крым лечиться укатил.

В Крыму отличная природа,

Сияет море под горой,
Стоит прекрасная погода.
Игрив и весел наш герой.
Забыты ужасы, сомненья,
Угроза, страх разоблаченья.
Забыт, как школьником урок,
Расплаты наступивший срок...
В разгаре летний отпуск сладкий.
В порту во всю идёт посадка.
Восходит радостный народ
На старый, добрый теплоход.
Но посторонним хода нету:
Здесь персональные билеты.
Вручали их недавно
По офисам державным.

Бликует море, солнцем дышит.
В открытом море теплоход
На нежных волнах чуть колышет.
Он словно замер, сбросив ход.
Команда грузится на шлюпки.
На светлых палубах – ни юбки,
Одни сплошные мужики
И не простой, видать, руки:
В глазах гордыня и нахальство –
Одно высокое начальство!
За горизонтом шлюпки скрылись.
Тут пассажиры возмутились:
"Пора продолжить наш поход!"
Но дрогнул старый пароход,
Осел кормою на волну,
И, как топор, пошёл ко дну!

И в этот миг прозрел вельможа:
"Пришла расплата. Всё. Кранты!"
И крикнул в небо: "Боже, Боже!
Со мной невинных губишь ты!"
Ему, конечно, наплевать
На всех, кто должен погибать,
Но, может, Боже их простит
И этот ужас прекратит?
И тут возник над морем глас
(То был уже знакомый бас):
"Невинных нет на корабле!
Четыре года на Земле
На этот маленький аврал
Таких, как ты, я подбирал!"

* * *

Однажды вымолив прощенье,
На грех не ставьте точку.
Согласно Высшему решению
Возможна лишь отсрочка!

Семён Коган

Литературный псевдоним Александр Кирий – прозаик, драматург, публицист, писатель-сатирик. Пишет с детства. Его пьесы ставились в театрах Союза, публиковались в журналах, отдельных и коллективных сборниках. Его юмор печатали многие советские и зарубежные издания: "Литературная газета", "Юность". "Крокодил", "Аврора", "Неделя", "Кодры", "Беседер", "Олиеншпигель". Центральное радио и телевидение транслировали его произведения.

Он лауреат и победитель Всесоюзных и Международных конкурсов юмора, "Заслуженный юморист Москвы".

Выпустил 20 книг своих и более семидесяти в соавторстве с другими авторами.

В Германии с 1995 года. Печатается в русской и немецкой прессе.

Бендерская

Тогда мы жили в Бендерах, у меня знакомая была – Тамара Бендерская! То есть имя у нее было обычное, а фамилия – по городскому образцу, не специальная, из чувства патриотизма, а по наследству, из чувства отцовства.

Приезжает как-то Тамара в соседний город Тирасполь за справкой и обращается к работнице:

– Меня к вам прислали. Сказали, у вас в архиве данные имеются для справки!

– Как фамилия? – спрашивает женщина.

– Бендерская! – сотруднице показалось, что ее не поняли.

– Гражданка, как ваша фамилия? – несколько сдержанно повторила она.

– Бендерская я!

– Я не спрашиваю, где вы живете! Я спрашиваю, как ваша фамилия!

– Я же русским языком объясняю: Бендерская я!

Сотрудница фыркнула, слегка психанула, понимая, что люди в учреждение приходят разные, а она должна владеть собой, так как она на работе

– Гражданка, послушайте меня внимательно. И отвечайте только на тот вопрос, который я вам задам. Хорошо?

– Хорошо!

– Так вот, я вас еще раз спрашиваю: Как ваша фамилия?

– Бендерская я!

На сей раз сотрудница психанула серьезно. Вышла из себя, швырнув толстый журнал в сторону выхода. Затем поднялась, глубоко вздохнула, прикусила зачем-то нижнюю губу и снова уселась за стол.

– Я знаю, что вы приехали из Бендер!

– На автобусе, – сказала Тамара.

– На автобусе, – повторила сотрудница. – И вам нужна справка. Но без фамилии мы справки не выдаем. А если вы думаете, что достаточно назвать место проживания, то вы ошибаетесь! У вас в городе сколько бендерских?

– Точно мне не известно, – призналась Тамара.

– Ну хотя бы приблизительно!

– Я-Бендерская, муж – Бендерский, дети – Бендерские. Родственников человек девять будет – все Бендерские!

– Значит, во всем городе всего десять человек Бендерских. Так?

– Может, двенадцать!

– А остальные, значит, – парканские, кицканские, фарладанские!

Женщина перечисляла близлежащие деревни, жители которых могли быть тоже Бендерские.

– Откуда мне знать? – возмутилась Тамара. – Меня это вообще не интересует, кто бендерский, а кто фарладанский! Я знаю, что я – Бендерская, и за других не отвечаю!

– Куда уж вам отвечать, если в городе со стотысячным населением всего двенадцать человек бендерских? Остальные – чёрт знает что делают там!

– А чего тут удивительного? – теперь уже не врубилась Тамара, – у нас есть и одесские, и молдавские, и тираспольские, между прочим, тоже!

Нормально!

– Сумасшедший дом какой-то! – взорвалась женщина, бросила ручку и отошла к паровой трубе, чтобы выпустить пар и остыть!

– Значит, если я приехала из Киева, я – Киевская? – уточнила она.

– Может, и киевская. Мне откуда знать? – фыркнула Тамара.

– А моя коллега – Нижнетагильская, да?

– Ваша коллега – Красивая!

– Что вы говорите? – ухмыльнулась сотрудница. – В глаза ее не видели, а уже льстите!

– Её фамилия на табличке написана. А я читать умею!

– Зато свою фамилию назвать не можете! За свой город прячетесь!

– Бендерская я!

Женщина уже не соображала, что ответить, и пригласила коллегу из соседней комнаты, которая выглядела постарше и пострже!

– Дамочка! – сказала она твердо. – Зачем вы к нам пожаловали?

– За справкой! – честно призналась Тамара.

– А вам известно, что в справке должна быть указана ваша фамилия?

– Само собой. Как же без фамилии-то?

– Прекрасно. Тогда ответьте, где вы живете?

– В Бендерах!

– Замечательно! Теперь главный вопрос! Как ваша фамилия?

– Я уже десять раз объясняла вашей подруге, а теперь и вам повторяю: "Бендерская я!"

Строгая сотрудница тоже разнервничалась.

– У вас в городе все бендерские?

– Естественно! Как у вас все – тираспольские, а в Жмеринке – жмеринские!

– Дамочка, что вы тут со своей Жмеринкой голову мне морочите? Вы по существу отвечайте!

– А я, по-вашему, по чему отвечаю, если вы спрашиваете?

Строгая подавленно покачала головой и привела мужчину, очевидно, самого главного!

– Что вы желаете, гражданин? – обратился он коротко, но напористо, вероятно, тем самым нагоняя производственный страх. Но Тамаре нечего было бояться. Справка ей полагалась по закону, а мужчина не полагался никаким образом, даже если он и считался где-то главным. Поэтому она ответила спокойно:

– Справка мне нужна. Меня к вам послали.

– Паспорт с собой есть?

– Мне справка нужна, чтобы новый паспорт получить, а старый я сдала!

– Тогда скажите, как ваша фамилия! Только говорите правду, всё равно проверим.

– Бендерская я!

– Женщина, вы только не волнуйтесь! Соберитесь с мыслями! Мы уже знаем, откуда вы приехали! И нам известно, что люди в вашем городе имеют определенные проблемы! Поэтому мы вас не собираемся наказывать, а спрашиваем по-дружески.

– Ну, Бендерская я. Честное слово! Вот автобусный билет. Я на нем в ваш город приехала.

– Тогда я, наверно, турецкий? – усмехнулся начальник.

– Я не знаю, кто вы! Я вас первый раз в глаза вижу, но мне известен один Турецкий, который хором в Москве руководит! Вы его родственник? Вы тоже поете?

– Я не пою, – огрызнулся мужчина.

– Тогда повесьте табличку с вашей фамилией! Все будут знать, что вы – Турецкий, который не поет! Чтобы вас с другим Турецким не путали!

Начальник понял, что ему будет очень сложно с данной клиенткой. Потому начал издали, чтобы красиво закончить.

– Значит, вы приехали из Бендер?

– Из Бендер!

– И вы – бендерская?

– А кто же еще?

– А если бы вы приехали из Кишинева, были бы Кишиневской?

– А зачем мне к вам, собственно, из Кишинева приезжать? – не поняла Тамара. – Я бы там спокойно справку взяла. И мне не надо было вам битый час втолковывать, кто я такая!

Мужчина уловил в ее словах определенный смысл, но ему нужна была истина!

– Зовут-то вас как?

– Тамара Петровна!

– Выходит, вы, Тамара Петровна, Бендерская, так как из Бендер?

– Я Бендерская, так как я – Бендерская. Вы что, совершенно меня не понимаете?

– Это вы нас, барышня, не понимаете? – встряла строгая. – Взрослая дамочка, а детские вещи понять не в состоянии!

– Что я должна понимать? – взбурлила Тамара. – Я к вам за простой справкой явилась, а вы мне тут допросы устраиваете.

– А вы, значит, желаете, чтобы мы вместо вашей фамилии вписали место вашего жительства? – усмехнулся начальник. – Представляете, чего вы хотите?

– Я хочу, что мне положено! – продолжала возмущаться Бендерская, – а чего хотите вы, мне непонятно!

– Ладно! Ладно! Успокойтесь! – не хотел раздувать скандал руководитель, так как уже стали собираться люди, с интересом поглядывая на разгорающийся конфликт.

– Назовите улицу вашего проживания! Откуда вы приехали?

– Кишиневская!

– Не понял! – Начальнику стало жарко! – Если я правильно понял, сами вы – бендерская, а приехали из Кишинева, чтобы в Тирасполе взять справку, хотя сами же утверждали, что такую справку можно взять и в Кишиневе. Было дело?

– Утверждала! – кивнула Тамара. – Была бы кишиневская, взяла бы!

– Вы же сами сказали, что Кишиневская! С Кишиневской приехали!

– Приехала! – Начальник расстегнул ворот рубашки. Призывать на помощь было больше некого! Разве только сотрудников дурдома!

– Послушайте, уважаемая, что вы нам тут голову морочите? Что вы нас тут запутали?

– Я морочу? – ошалела Тамара. – Дайте мне справку, и мы разбежимся по-хорошему.

– Какую справку, Господи!? – ухмыльнулась строгая. – Если вы свою фамилию сначала со своим городом перепутали, а потом и со столицей нашей республики! Чуть какую-то несете!

– Донести не можете! – подала голос сотрудница отдела.

– Я на вас жаловаться буду! – пригрозила Тамара. – Для чего вы здесь окопались?

– Назовите вашу настоящую фамилию! – потребовал окончательно начальник!

– Бендерская я!

– Тогда я должен быть Тираспольский!

– А вы – придурок! Без справки!

И ушла, громко хлопнув дверью, пока начальник соображал, почему он придурок, если у него была совершенно другая фамилия.

Александр Коварский

Родился в Ленинграде в 1939г. в семье студентов. Отца в 1940г. призвали в армию, вместо экономиста он стал сапёром. Мать преподавала историю. В июле 1941г. эвакуировалась со мной из Белоруссии в Среднюю Азию. В Ленинград вернулся в 1947г. Учился в Технологическом институте им. Ленсовета. По профессии инженер-электромеханик. Работал на ленинградских предприятиях. В 1994г. эмигрировал с семьёй в Германию. С 1999г. писал очерки в газеты "Кол шофар" и "Росток по-русски". Член гамбургского литературного объединения "Источник" с 2002г. Печатался в журналах "Гамбург и мы", "Мишпоха", "Литературный европеец", "Слово". В 2006 году вышла книга "Альфред", в 2009 – "В добрый час!".

КУКАРАЧА

Папа, сколько можно ездить на старом Гольфе? – приставал ко мне сын, новоиспечённый автомеханик. – Он тесный, тихо ездит, с костылями тебе в нём неудобно! Мастер нашей фирмы продаёт Опель-Вектру, не машина, а игрушка, такая ухоженная, в ней столько "наворотов"!

Незнакомое словечко звучало интригующе. Вообще-то Гольф меня вполне устраивал: он был надёжен, экономичен, удобен при парковке в городе. Правда, на автобане не давал больше 160, но мне "по-стариковски" хватало.

- Да, но Вектра стоит довольно дорого, – пытался я воспротивиться.

- Мастер решил учить свою жену езде и возьмёт Гольф в счёт оплаты, – не унимался сын, – ты получил медицинскую страховку, добавишь ещё немного, и красавица-Вектра твоя!

Он всё предусмотрел! В общем, уговорил, и "гешефт" свершился. Через некоторое время машина с "наворотами" стояла у моего дома. Необычного в ней действительно оказалось немало.

От крошечного спортивного руля, пригодного лишь для гонок Формулы-1, я сразу отказался и поставил стандартный. Удобная электроантенна "полетела" через неделю – купил обычную. Глушитель из нержавеющей стали с двумя большими выхлопными трубами таковым только назывался. Мотор ревел, словно тяжёлый бомбардировщик на взлёте. Меня раздражал шум, и глушитель пришлось заменить. Больше всего сын восторгался музыкальным сигналом. Под капотом машины спрятался целый духовой оркестр из множества трубочек, очень громко исполнявший припев к популярной когда-то песенке "Кукарача". Забавно! Музыку я оставил и, как оказалось, на свою беду.

Однажды в дождливый день я ехал по городу. На одном из перекрёстков водитель впереди стоящей машины долго не трогался с места, хотя загорелся зелёный сигнал. Я решил коротким гудком побудить его к действию и прикоснулся к кнопке на руле. Раздалась весёлая песенка, "уснувший" водитель встрепенулся. В этот момент светофор переключился на красный, и мы продолжали стоять. Но что такое!? "Кукарача" не смолкала. Развесёлую музыку, улыбаясь, слушали все водители и пешеходы на перекрёстке. Я подумал, что заклинило кнопку, лихорадочно нажимал и отпускал её – никакого эффекта. Вероятно, от дождя замкнулись контакты – музыка не смолкала. Мне стало не по себе. Дождавшись зелёного, проехал перекрёсток и остановился. Дождь припустил как из ведра. На противоположной стороне улицы остановилась полицейская машина. Офицер, опустив стекло, устремил взор на меня. Меня ждало неприятное объяснение с представителем закона, но тому выходить под проливной дождь явно не хотелось. С трудом выбравшись из машины, достал с заднего сидения костыли и поковылял к капоту. Неисправность обнаружить не удалось. Что делать? "Кукарача" по-прежнему веселила людей. Обойдя машину, открыл багажник, покопавшись, нашёл нужный ключ, отключил аккумулятор. Мелодия смолкла, я облегчённо вздохнул. Полицейский махнул рукой и уехал. С опаской накинул клемму на аккумулятор. "Духовой оркестр" молчал. Я порулил к ближайшей мастерской, чтобы установить нормальный звуковой сигнал.

"Наворотов" в машине больше не осталось. Мне пришлось приплатить, чтобы от них избавиться! Удружил сынок! Но я не сержусь – ведь он хотел меня порадовать. Только теперь, услышав песенку, невольно вздрагиваю. Вот такая получилась "Кукарача"!

Михаил Колчинский

В прошлом штурман-инженер. За 30 лет летной службы провел в воздухе более 14 тысяч часов. Печатался. Стихи, статьи, заметки в региональной, центральной, в том числе военной, печати. В Германии с конца 1999 года. Пробует себя в различных жанрах литературы. Печатается в России и Германии. Лауреат нескольких литературных конкурсов.

Человек за витриной

Вечер. Стою на остановке рядом с ярко освещенной витриной универмага. Жду приятеля.

Внезапно ощутил на себе, почти физически, чей-то пристальный взгляд. Обернувшись, вижу: сзади никого нет, а за витриной, вполоборота ко мне, стоит пожилой человек и смотрит на меня странным, изучающим, чуть насмешливым взглядом.

Что-то очень знакомое было в этом взгляде, во всей его фигуре, в посадке седой головы с "благородной", как говорят, чтобы не обидеть, лысиной. Но то ли витринное стекло размывало черты, то ли сказывалось отсутствие очков – память не выдавала на-гора конкретику.

Как человек воспитанный, а скорее интуитивно, я кивнул ему и слегка поклонился. Как мне показалось, это же сделал и мой визави одновременно со мной.

Диалог был исчерпан, я стал смотреть на дорогу, не идет ли мой приятель. Мысли же продолжали свою работу: кто этот человек? И вообще – что он там делает? Живая витрина? Довольно странно. Где я мог его видеть? В парке на пробежке? Вряд ли – такой на первых ста метрах сойдет с дистанции. У врача? Возможно. В литературном обществе, где встречаются и читают свои опусы любители поэзии и прозы? Там – знакомые все лица.

Говорят, годы берут свое. По-моему, наоборот, берут мое – память, например. Теперь, уходя из дому, слышу команду жены: "Документы! Ключи! Голову!". Проверяю и рапортую: "Есть, все на месте".

И еще. Друзья-приятели говорят иногда с обидой: "Что-то ты загордился, здороваться перестал. Мимо пробежал, "не повернув головы кочан". А ведь я и вправду не видел. Иду, думаю о чем-то, ничего вокруг не замечаю. Утешает мысль: у великих людей за внешней рассеянностью скрывается глубокая внутренняя сосредоточенность. Приятно хоть в чем-то быть на них похожим.

Слышу голос моего приятеля. Шагаю ему навстречу. Боковым зрением замечаю: мой витринный знакомый незнакомец тоже шагнул и тут же пропал из виду.

И тут я понял: витрина была зеркальной.

Мысли незначительных людей

Эпиграммы

Вместо предисловия

Поэзия! Капризней нет подруги:
Шалит со всеми – что с того:
Она из тысяч одного
Берет в супруги!

Почти автобиографическое

Один поэт на склоне лет
Творил что было сил.
Мечтал оставить в жизни след.
Жаль... Только наследил.

Дело в ухе

*Великий художник, будучи в состоянии
аффекта, отсекает себе ухо.*

Он говорил: "И я бы мог
Писать не хуже, чем Ван Гог".
Ему в ответ: "Ну что ж, ни пуха...".
Тут он вздыхал: "Но, видит Бог,
Жаль резать ухо!"

* * *

Художник приятеля своего,
Склоняясь над картиной лаковой,
Спросил, подбоченьясь: "Ну, каково?".
Приятель вздыхал. А за него
Ответило эхо: *каково!*

Писателю – юмористу

Он памятник себе поставил смехотворный,
И помирает со смеху народ.
Чем больше он уморит, тем, бесспорно,
В литературе дольше проживет.

Риторический вопрос

Ума палат не перечесть.
Полупустые тоже есть.
Но почему же род людской
Предпочитает жить в шестой?

*"...Кто-то пусть гениально играет на флейте,
Но еще гениальнее слушали вы "*

Андрей Дементьев

Все – таланты и гении в чем-то и где-то,
И не слушайте, люди, ехидной молвы.
Кто-то пусть гениально готовит котлеты,
Но еще гениальней их скушали вы!

Пройдоха

Он лез повсюду вон из кожи,
Стремясь к ему известной цели.
Однажды вылез. Голый. Боже,
Глаза бы лучше не глядели!

Эпитафия, или ода старости

Он был экономен, по счету большому.
По праздникам только ходил по-большому.
Зато в стариковской веселой среде
Он слыл чемпионом... по малой нужде.

О грехах

Что-то не пишут больше картин
Про кающихся Магдалин.
Видимо, нету больше причины:
Все безгрешны теперь Магдалины.

Кокетке

В улыбке вашей полутайна,
Полупризыв, полунамек,
Чтобы попавший в сеть случайно
Из сети выбраться не мог.

* * *

Вечер был, и звездочки сверкали,
Где-то по дворам мороз шнырял.
Михаил в битком набитом зале
Посинев, стихи свои читал.

Был фуршет. Хвалили, как ни странно.
Но заныла чуточку душа,
Услыхав какого-то гурмана:
"Как была закуска хороша!"

Михаил Прудовский

Родился в 1937 г. в Москве, где учился, работал и жил до переезда в 2000 г. в Гамбург.

Инженер по строительству мостов и тоннелей, кандидат технических наук.

Основное направление в литературном творчестве – ироническая проза. Член гамбургского литературного объединения "Источник". Публикации в Германии: газета "Русская Германия", журналы "Партнер-Норд" и "У нас в Гамбурге", сборники "Источник".

Несбывшееся зовёт нас

А.Грин

Так случилось, что в молодости он не только не писал, но и не читал стихов. Двух строк из Пушкина или Михалкова не помнил. На седьмом десятке неожиданно из подсознания стали прорываться рифмы и в четырёхстопном ямбе укладываться в строчки и строфы. В его седой голове рождались чувственные стихи. Возможно от того, что в прежней жизни не доставало душевности. Обычно замкнутый, застенчивый и приземлённый человек вдруг загорелся страстным желанием отдаться на волю нахлынувших лирических волн, стать заметным, зажечь публично, расправить плечи, перелицевать свой имидж. Эйфория творчества овладела им. Прозревая, читал он собранную поэтическую библиотечку. Ощущая ритм и звучность строк, он испытывал наслаждение. "В себя вобрав звучанье мира, / Дремавшая десятки лет, / Вдруг заиграла моя лира, / Да слушателей больше нет...". Бывшая жена и дети оказались за океаном. Друзей было мало, но и те не ближе.

Сочинённого набралось вполне достаточно для навязчивой идеи увидеть свои труды напечатанными. Скромное издание требовало денег, которых у эмигранта не было. Во время недавнего пребывания в больнице ему удалось не только освободиться от ненужного в своём теле, но и сэкономить около ста евро на питании, воде, электричестве и телефонных разговорах. Очередного хирургического вмешательства не ожидалось и, значит, пятисот евро всё равно не хватало. А что если попросить их в социальном ведомстве? Получив так называемый термин, с пачкой стихов в качестве вещественного доказательства, поскромнее одевшись, он посетил социаламт. Свою просьбу аргументировал потерей аппетита, сна и спокойствия. Выслушав его доводы, молодой делопроизводитель пышная фрау Фуке вежливо отказала. Ей легче выделить средства на дополнительное питание, удобную постель и даже транквилизаторы, но только не на, "извините, сомнительное хобби". Он привёл ей пикантный пример социальщика, требующего деньги на посещение публичного дома. Вопрос серьёзно обсуждался в печати и, похоже, был решён в пользу просителя. "Уж лучше бы Вы просили на это, по крайней мере, значительно дешевле", – улыбнулась фрау Фуке. "Спасибо, не надо. Сейчас уже поздно". "Но Вы же пишете и про любовь". "Интуитивно и по старым воспоминаниям". "Разве сегодня Вы не смотрите на женщин?" "Сегодня смотрю на Вас, а, вообще-то, мой взгляд на женщин переместился

выше", – сострил он, разглядывая её всё же не только в верхней части. "Мне было приятно пошутить с Вами, но помочь, к сожалению, не в моих силах", – сказала она. В её интонации послышалось требование прекратить напрасный разговор. Он подчинился и ушёл со словами: "Всё же Вы подумайте, с начальством посоветуйтесь. До свидания". Через неделю она позвонила: "Согласны ли Вы получить требуемую сумму на удовлетворение интеграционных культурных потребностей и с условием её удержания в течение двадцати месяцев?". Он согласился, а изданный сборник посвятил фрау Фуке и её ведомству.

Анзор

1954 г. 1-е сентября. В одном из московских вузов переключка первокурсников. Каждый коротко рассказывал о себе. Большинство было из Москвы или из области. Меньшая часть из других российских мест, и только один Анзор оказался из Грузии. Он мог бы об этом и не сообщать, настолько его выдавал сильный акцент и характерные черты кавказца. Уже потом Анзор убеждал меня, что "кавказец разный бывает, и никогда не спутаешь армянина с грузином; но и грузин разный бывает, их тоже не спутаешь". Кстати, из-за схожести Анзора с молодым Сталиным их можно было бы "спутать". У меня всегда был интерес к людям, отличавшимся какими-то особенностями. Анзор это почувствовал, и мы сблизились. Он плохо говорил по-русски и не знал самых обыденных слов. К примеру, *быстро* он понимал, но о синонимах *второпях*, *стремглав*, *во весь дух* понятия не имел. Когда ему не хватало русских, он машинально привлекал грузинские слова, как бы боясь потерять мысль. За наше долгое знакомство я приобрёл приличное знание грузинского языка от *гого генацвале* (дорогая девушка) до *кенигзва* (железная дорога). Анзор учился в грузинской провинциальной школе, где русский был вроде иностранного. Да и русских ребят-соседей у него в Самтредиа не было. Я охотно давал ему обстоятельные уроки.

Чтобы поступить в наш вуз без экзаменов, ему "пришлось" стать золотым медалистом. Всегда под рукой он держал вырванную из ученической тетради таблицу умножения. Жаловался, что никак она не укладывается у него в голове. Постепенно осваивался с московской жизнью. По характеру добрый, в поступках скромный, он приобрёл в общежитии много друзей. Одних благодаря чаче, стоявшей в чайнике под столом в его комнате, другие рассчитывали одолжить денег без отдачи. Были и бескорыстные, вроде меня, помогавшие ему в учёбе и интеграции в московскую жизнь. После каждого семестра деканат грозил Анзору отчислением. Неудача действительно имела место. Но имел также место интерес нашего любимого и пьющего замдекана к встрече с отцом неуспевающего. Отец приезжал в Москву и улаживал вопрос, вероятно, не только с помощью чачи.

Все 5 лет до самого дипломного проекта я помогал Анзору закрывать прорехи то в одном, то в другом предмете. Моё беспокойство контрастировало с хладнокровием подопечного. Он успокаивал меня так: "я в тебе, Мишенка, уверен и потому будет всё хорошо". На первые лекционные часы Анзор ходил редко, не мог проснуться. Однажды, когда из-под двери его комнаты начал просачиваться дым, яростные стуки и громкие крики не разбудили его. Он проснулся, когда выдавили дверь, благо в общежитиях они открываются в комнаты, и залили сначала очаг возгорания, а потом и удивлённого Анзора. Его письменные объяснения пропусков занятий звучали анекдотично, и мне казалось, что это не по глупости или наивности, а с умыслом. Анзор исходил из того, что смеющийся становится добрей.

Плохой русский мешал ему даже в военной подготовке. Казалось бы, чего проще разобраться в топографической карте? После двух неудачных попыток Анзора сдать

зачёт я проверил и убедился, что, наконец, он усвоил все значки-обозначения. Но недобрый полковник не согласился переименовать *пасеку* в *пчёлкин домик*. Почему-то только на классных занятиях по военному делу мы играли в "балду". Играющие по очереди пишут каждую следующую букву и завершивший слово – проиграл. Анзор передал мне листок с тремя буквами "Мао". "Мао Цзе-Дун нельзя", – говорю ему. Оказалось, он задумал слово "маор". Что это? "Маор Сергиенко", – кивнул он в сторону проводящего занятия майора. В другой раз я не знал продолжения "пъс". "Сдавайся, – сказал Анзор, – пьеса, собака такой". Как-то перед летними каникулами я проводил его на тбилисский поезд и подарил электрический фонарик. В полученном письме Анзор благодарил меня за провод. "До сих пор не знает разницу между фонариком и проводом", – подумал я. В работе над ошибками выяснилось: он благодарил за провода к поезду.

С дипломом инженера мой друг был направлен на важный (в смысле секретный) объект в Красноярский край, где проявил руководящие способности и стал начальником смены. Затем получил повышение и управление сотнями людей на строительстве тоннелей на линии Абакан-Тайшет. Всегда любой ценой выполнял план, в т.ч. по сдаче металлолома, даже если приходилось порезать немного новых рельсов. Видный хозяйственник района, он ... женился. Она была первым секретарём райкома комсомола. Счастье длилось недолго. Жена оказалась плохо воспитанной. Приехавшему из столицы ревизору отказалась стирать бельё и критиковала их обоих за трёхдневное пьянство.

Вернувшись в Грузию с московским дипломом и хорошей сибирской практикой, он был встречен с почётом и уважением. Тогда таких ещё ценили. Были времена Василия Павловича Мжаванадзе, первого секретаря Компартии Грузии. О нём Анзор отзывался: "очень хороший человек, миллионер". Одним словом, советская власть была ещё крепка повсюду, от Москвы до самых до окраин. Анзору предложили две должности на выбор, и он стал главным инженером горисполкома. Ему подчинялись электрики и дорожники, службы водопровода и канализации, газоснабжения и отопления. Результативность его труда мне удалось засвидетельствовать лично.

Проездом из Тбилиси в Москву я обещал Анзору погостить у него три дня в Самтредиа. Он понял, но не совсем точно, и его шофёр три дня встречал тбилисские поезда. А я приехал на четвёртый и, зная адрес, благополучно прошёл необходимые сто метров. Огорчению Анзора, его родителей и новой, уже воспитанной жены, не было предела. Как же так можно, без машины! Переночевав на втором этаже их большого дома, я спустился во двор по наружной лестнице и присел на её ступеньке. Несмотря на прекрасное утро, голова болела, так как долго ужинали и мало спали. Анзор поинтересовался, не было ли шумно. Он объяснил, что раньше очень много машин проезжало туда-сюда. А теперь? Теперь тихо, он вывесил знаки, запрещающие проезд. Где ж люди едут? А по параллельным улицам. Вечером в саду дома вся мужская часть семьи сидела с гостем за столом, а женская подносила еду и счастливо улыбалась. Почему мама с женой не подсядут к нам? Выяснилось, что они сами этого не любят. Наступила тёмная южная ночь, но в саду было светло. "Знаешь, почему? – спросил Анзор, – вообще-то столбы освещения стоят через сто метров, но я попросил один ещё возле нашего дома добавить". По случаю моего награждения орденом "Знак почёта" Анзор и его отец в один голос сказали, что это самый лучший орден. – Почему, а "Орден Ленина"? – Что ты! У нас его никто не берёт. – Как не берёт, не дают? – Наоборот дают, но люди не берут, очень дорого. А "Знак почёта" недорого и очень хороший. – А мне бесплатно достался, – похвалился я, но они вряд ли поверили.

При Гамсахурдии Анзора назначили заведующим Строительным банком. При Шеварднадзе его отправили на пенсию. При Саакашвили он перестал отвечать на письма. Анзор всегда был спокойный. Выходил из себя только когда слышал мат, так

как понимал его слишком буквально. Политические страсти не должны были бы его распалить. Или не удержался? Что с тобой, Анзор? Неужели обиделся на нас, на всех? Ты же знаешь, "русский тоже разный бывает".

Татьяна Зеленченко

Ироничный карандаш Харькова

По словам художницы, страсть к графике, к иронии, к карикатурам появилась у нее еще в студенческие годы. Татьяна Зеленченко закончила школу им. И.Е. Репина, затем Харьковский художественно-промышленный институт (ХудПром) сотрудничала с журналами "Юность", "Крокодил", "Перец", "Семья и школа". Она знакомит читателей ее творчества со своими иллюстрациями к "Русским народным сказкам", к роману "12 стульев", к роману Булгакова "Мастер и Маргарита" и многими другими работами.

**ЭТО Я-
ПОЧТАЛЬОН ПЕЧКИН!
ПРИНЕС ВАМ ПОСЫЛКУ-
ГУМАНИТАРНУЮ ПОМОЩЬ
ИЗ ГЕРМАНИИ!**

Леонид Катель

Не молод, но и не слишком стар. Родился и почти всю жизнь прожил в Днепропетровске.

Окончил металлургический институт и занимался металлургией. Кандидат технических наук.

Стихи пишет с детства. Печатался в Днепропетровске, в местной прессе.

В Германии с 2005 года.

Иронические стихи

* * *

Быть пожилым я не привык.
Не тянет ампула такое.
Всё норовишь и скок и прыг.
Душе не хочется покоя.

Глотаешь лихо алкоголь.
И женщин взглядом провожаешь...
Но вот когда прихватит боль,
Тогда свой возраст и узнаешь.

Где заболит? И там, и тут:
Природа запасла болячек,
И обязательно найдут
Они тебя. А как иначе

Тебе наглядно доказать,
Что перестать пора скакать,
Что с горки путь совсем не прост,
И, если хочешь жить на свете,

Будь осторожен...

Но вопрос:
Как вспомнить про советы эти,
Когда прошло

И не болит,
Когда душой ты, как джигит,
Стремишься снова к резвой скачке
— к очередной болячке?..

* * *

Я постарел, но, между тем,
По-прежнему касаться
Мне хочется амурных тем:
Так трудно расставаться

С желанием пофлиртовать,
Игриво что-нибудь сказать,
На что-то намекая...
Привычка, блин, такая.

Но пепел не дает огня.
Признаться, если честно,
Глядят красотки на меня,
Как на пустое место...

Но я заметил, что порой
Довольно благосклонно
Задумчиво следят за мной
Почтенные матроны.

Их не пугает ни живот,
Ни жирный подбородок.
О кей! Матроны! – Ваш черед!
Забуду я красоток.

Я к приключениям готов.
Вне всякого сомненья,
Сойти мы можем за юнцов
При слабом освещении.

* * *

Опять в настойчивых объятьях
Влюбленные в аллеях млеют.
А женщины в открытых платьях,
Конечно, кажутся милее...

Цветет сирень, цветут тюльпаны,
Цветет душа... В который раз?
И Новь надеждою туманной
Куда-то увлекает нас.

Весна, весна! С твоим явленьем
Я сбрасываю лишний вес.
Твое победное цветенье
Так украшает все окрест!

Преображается природа.
И с нею – МЫ: такая мода!..

Сергей Лоскутов

Сергей Лоскутов родился 4 июля 1953г. в посёлке Любино Омской области. После окончания средней школы служил в армии.

Стихи начал писать в юности. Работал в редакции районной газеты. В 1977г. закончил Омское культурно-просветительное училище. Работал в Доме культуры режиссёром народного театра.

Автор поэтического сборника "Синеокая осень". С 2002 года живёт в Германии в г. Гамбурге.

Сотрудничает с русскоязычной прессой. Дипломант Международного конкурса поэзии 2007г. в Мюнхене. Член Гамбургского литературного объединения.

Везде хорошо...

(иронические стихи)

* * *

В подвале сумрачном, в посёлке
Полжизни мёрз в сырой хрущёвке.
Теперь ты – в городе немецком
Нашёл под солнцем своё место?
В солидном возрасте преклонном
Сидишь в квартире без балкона...
В стране богатой и прекрасной
Живёшь на крыше, словно Карлсон.
В Союзе ты пахал, пыхтел,
Чтоб заработать себе грыжу?..
В стране чужой ты залетел
Так высоко!.. На крышу.

* * *

В чужом краю гнездо совьём.
Теперь мечты у нас такие:
Родится внучка – назовём
Красиво, звучно – "Ностальгия"
Мы не такие, мы – другие.
Нам лень в чужую речь вникать.
Мы со своею ностальгией
Всё не расстанемся никак...
Подняться хочешь во весь рост,
Но тянет хвост, как гиря...
Такой облезлый, ржавый хвост.
Хвороба это – х в о с т а л ь г и я.

Акростих

Познали страх, нужду, мытарства,
А после в сытый край сорвались.

Ради своих детей? Едва ли...
А что вы им наобещали?
Златые горы, рай, богатства,
Иль век сидеть на социале,
Точней, на шее государства.

На приёме у врача

Брат к врачу, зубами маясь,
Прибежал тридцатого.
Доктор молвил, улыбаясь:
"Приходите пятого..."
За грудки, за белый борт
Братец взял проклятого:
"Ты лечи давай sofort.
Сдохну я до пятого!
Всю неделю боль терпи...
На фига такой термин?!
Что творится?.. Вашу мать!
Долг извольте исполнять".
Безотказный русский мат
В точку бьёт, как автомат.
Братца врач уже не злил,
Сразу в кресло усадил.
В своём деле доктор – супер.
Не болят у брата зубы...
Он, конечно, был не прав,
Непокорный младший брат.
Водку, пиво жрут от пуза.
Режут правду, бьют под дых.
Сколько всюду из Союза
Наших братьев молодых.
Кормят фруктами, икрою
Да сырком голландским,
А ведёт себя порою
Молодёжь по-хамски.

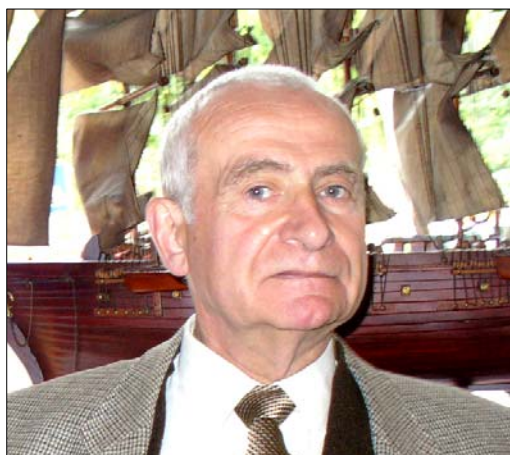
Частушки

Мой сосед на социале
Век сидит в Германии.
От безделья вянет, сохнет,
Как лопух в гербарии.

Мы в немецком не спецы.
С языком проблемы.
С виду вроде не глупцы,
Но глухи и немые.

Жинка спорит: "Шеф сказал,
Ты мне тут не лай!.."
А я рядышком стоял,
Слышал: "Tut mir Leid".

Тарас Фисанович

Тарас Фисанович – ленинградец. Родился в 1939 году. Окончил медицинский и политехнический институты. Хирург, кандидат медицинских наук. Стихи и прозу начал писать в студенческие годы. Некоторые произведения опубликованы в России, Германии, Украине, Белоруссии. В Германию эмигрировал в 1999 году. Проживает в Гамбурге.

СКАЗКА

Не стану врать, не любитель я сказок. Однако об этом деле промолчать не могу. Так уж получилось, что один волшебник (колдун, чёрный маг, ведьмак или как там его) однажды взял да и превратил девушку в змейку. Чёрт его знает, что взбрело ему в голову. Девушка-то была восхитительная, ну, точнее, красивая. Ладно, привлекательная. Хорошо, хорошо, просто молодая. Да и ведьмак был, в общем-то, не злой, а так себе. Мог, конечно, под настроение и напакостить. А тут вдруг взял да и превратил. Ни с того, ни с сего. Может быть, погода была плохая или в метро облаяли. Точно не знаю, трепаться не буду.

И вот этот маг до сыти наколдовался и сам по себе слинял, отошёл, так сказать, в сторону. А девушка, дело, понимаешь, змеиное – ползает. Красивая змейка, гибкая такая, переливчатая. Узоры на спине с любой татуировкой посоперничают. Да, забыл сказать, волшебник-то не последней скотиной оказался. Змейка всё же могла по вечерам опять в девушку превращаться. В очаровательную, скажу вам, девушку. Ненадолго, правда, а так, чтобы и на дискотеку сходить, и в компании посидеть. В ресторан, опять же. Стройненькая, шейка трогательная, грудка тугая, талия тонкая, ножки длинные, точёные. Головка маленькая, ладная. Глазища огромные, чёрные с карими искрами, не моргают – гипнотизируют. Рот красивый, губастенький, а зубки остренькие, один к одному, сахарные. Улыбнётся обворожительно, повернётся гибкая, и пойдёт, вся играя плечиками узкими и спинкой татуированной, и... Ну, сами не маленькие. В общем, свёдет с ума мужеский пол, хоть и сильный, но доверчивый, и незаметно исчезнет. Такие вот дела.

Понятно, повлюблялись в неё. Кто посильнее, кто послабее, по-разному. А один парень влюбился даже до безумия. Втюрился, что называется, по самые уши. В девушку, конечно, не в змейку. А она, змейка, то есть девушка, тоже, вроде, не против. И глазищами постреливает, и улыбочкой поманивает, и походочкой поигрывает, но не полностью, не на сто процентов, а этак осторожненько, потихонечку-полегонечку, и нашим и вашим (или я чегой-то не то говорю?).

Ну, тот парень пылает, паром пышет: цветы-такси, бары-рестораны, подарочки там разные, променады под луной на речном трамвайчике и прочее тому подобное. Сами знаете: такая девушка хуже налоговой инспекции. И девушке он как-будто симпатичен, и приобнять себя она иногда позволяет (вроде, похолодало), а то сама вдруг сзади подойдёт, прильнёт тугими грудками, обожжёт ему лопатки и, вздохнув неслышно,

отхлынет с таким лёгким шипением, но чтоб всё же услышал. А больше ни-ни. И на том все радости. Нашего парня то в пот, то в дрожь кидает, дух захватывает, сердце у него, бедолага, заходится, да и боль в чреслах, знаете ли. Сохнет парень. В общем, опутала-таки парня по ногам и рогам. Вот и молит он змейку (тьфу, чёрт, девушку) быть его и только его на всю оставшуюся жизнь, делить с ним труды и праздники, горе и радости, беды и победы, и разная тому подобная хренотень. Ну, про труды и горе это он ей сдуру, по молодости, и, ясно, во вред делу. Подумайте сами, на кой ляд ей, змейке, труды-беды?

Девушка поначалу-то будто ни в какую, и слушать не хотела, но постепенно смягчилась, вроде как впадать стала в задумчивость и помаленьку начала уступать. Однажды парень, окончательно одуревши, сгрёб её в объятия и стал тискать и целовать в щёки, в шею, в плечики и во все остальные места. А девушка во весь свой большой рот сладко так ему улыбнулась и не то поцеловала, не то укусила в уста. И уползла змейкой, шипя и извиваясь. Может, и к другому пошла – дело-то змеиное. Ну, а парень... В общем, нет парня. Только, говорят, ногой дрыгнул два раза.

А ты, читатель, перестань насмешливо скалиться и пожимать плечами, скептик долбанный. Или тебе не случалось иметь дело со змейками? Счастливчик ты тогда, сам не ведаешь меру отпущенного тебе судьбой благоволения. А если имел дело, да уцелел, то и того более. Тут и сказки конец. А кто слушал, тот лягушку скушал. А кто читал... Ладно, не буду.

Фридрих Золотковский

Родился в Киеве, в семье военнослужащего, в 1933 году. В 1951 закончил с золотой медалью Воронежское Суворовское военное училище, в 1969 с отличием военную Академию БТВ.

Всю сознательную жизнь служил в Советской Армии, что не мешало писать стихи, публиковаться, вести преподавательскую и научную работу. Полковник в отставке.

В Германии живёт с 1999 года. Активно участвует в общественной и культурной жизни русского зарубежья.

Мышь и кот (басня)

Кот на прогулке Мышь поймал.
Но так как был он сыт и весел,
то, поразмыслив, вдруг сказал:
"Живи! Мир для двоих не тесен!..
И выпустил её. Мышь ожила тотчас же,
Нашла подружек и давай без устали им петь:
"Он мил и нежен! Элегантен даже.
Вот бы кого в любовниках иметь!..
Не знала Мышь, что если б Кот голодный был и злой,
расстаться ей пришлось бы с головой...

Эпиграмма

Кто женщину поймёт, тому венец пророка!
Она и божество, и общества кумир,
И самая ужасная морока,
Которую Всевышний сотворил...

Розалия Подольская

Автор сборника басен "Мы в Германии".

Организатор и ведущая вечеров юмора в Гамбурге и других городах Германии.

Заяц и Айболит

Был заяц весел и здоров,
Не знал больниц и докторов,
Хоть слышал – под сосной сидит
Известный доктор "Айболит".

К нему ходили все лечиться:
Бобры, и зайцы, и лисицы,
И волк с волчицей, и мартышки,
И даже косолапый мишка.

Но вдруг к ним в лес пришла беда
Ушли зверюшки кто куда.
Где есть жилище и еда,
Где много зелени и света,
Где нет зимы, где только лето.

А заяц со своей семьёй,
Хоть был уже не молодой,
Устроился весьма прилично
И чувствовал себя отлично.

Но вдруг узнал у носорога,
Что докторов здесь очень много.
И если что-нибудь болит

Вас примет местный
"Айболит".

И призадумался косой.
А может быть, и я больной?

А вдруг мне где-то заболит?
О, да! Мне нужен "Айболит".

Врач – Айболит был очень мил,
Хоть три минуты уделил,
Сказал с улыбкою три слова:
"Нет заяц, Вы вполне здоровы".

Подумал заяц про себя:
"Нет, брат, тебе не верю я.
Еще есть двадцать докторов,
Пусть подтвердят, что я здоров".

И заяц дальше поскакал.
Всех докторов он обскакал.
Устал, измучился, аж плачет.
Уже не прыгает, не скачет,

Не ест, не пьет, темнее тучи,
Одних лекарств глотает кучу.
Но всё ж настойчиво твердит:
"Мне нужен новый "Айболит"".

И так допрыгался косой,
Что стал действительно больной.
Мораль давно известна нам.
Уж коли нет больших болезней,
Поменьше бегай по врачам.
Так и спокойней, и полезней.

Олег Эстис

1964 - 1999

Олег Эстис родился в Москве.

Закончил Московское художественное училище "Памяти 1905 года".

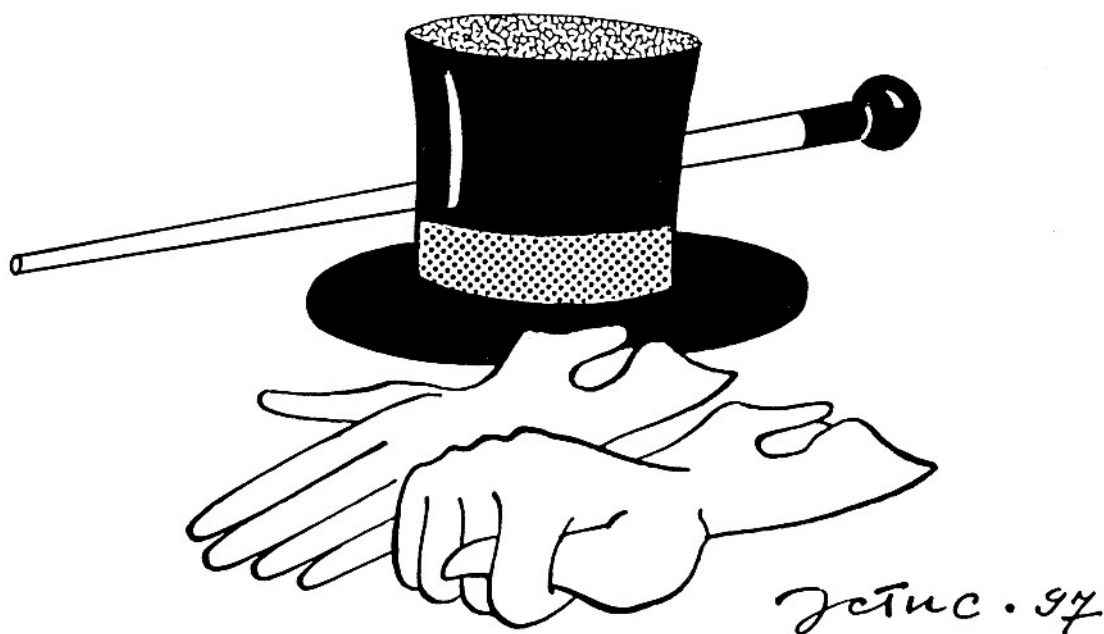
С 1985 г. – член Московской организации Союза художников.

Карикатуры и рисунки Олега Эстиса украшают многочисленные издания в России и за рубежом.

Участник и лауреат многих международных выставок и конкурсов.

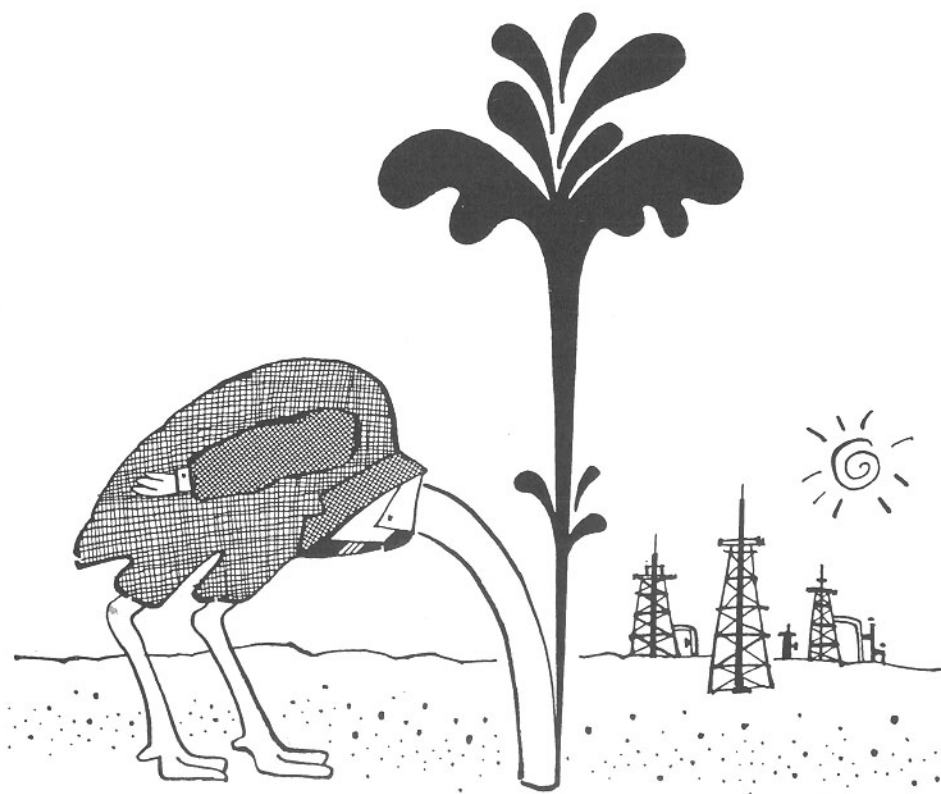
Работы художника находятся в частных коллекциях и музеях многих стран, в т.ч. в постоянной экспозиции Музея смеха в Габрово и в собрании Музея современного искусства института еврейской культуры им. Марка Шагала в Бразилии.

Последние полтора года жил и работал в Пиннеберге под Гамбургом.

Житие. 97

Житие. 94

© "WORT CJOBO מילה". BEILAGE.

Alle Rechte vorbehalten.

Nachdruck nur mit ausdrücklicher Erlaubnis der Redaktion.

Die einzelnen Beiträge geben die Meinung des jeweiligen Autors, nicht unbedingt die Meinung der Redaktion wieder.

Tel.: (040) 3208 6677 E-Mail: jakow.feldmann@yandex.com